

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Народному артисту СССР, Герою Социалистического Труда, четырежды лауреату Государственной премии СССР Борису Петровичу Чиркову скоро исполнится 80 лет.

Направляясь к нему домой за интервью, я непроизвольно напевал знаменитую песенку из кинотрилогии о Максиме. Уже позже, читая книгу воспоминаний Бориса Петровича Чиркова о его жизни, я нашел в ней такие строки:

«Если посчитать всех персонажей, изображенных мною в кино и театре, на радио, телевидении и на эстраде, — наберется большая толпа народу; думаю, человек поболее двухсот.

народных песнях, забытых, и напрасно забытых. Будет там рассказ и о песне из фильма, который так и не вышел на экран. Снимался он давно, еще перед трилогией о Максиме. Сценарий был Н. Погодина, а песня Д. Шостаковича, по-моему, никому ныне неизвестная.

— И все-таки, что для вас самое главное в сегодняшней деятельности? Театр? Кино? Общественная работа?

Борис Петрович покачал головой:

— Педагогика, мои ученики в Институте кинематографии. Я и раньше делал попытки преподавать; и там же, во ВГИКе, и в театральном институте... Но как-

была для меня роль Тили Уленшпигеля.

— Как началась ваша работа в кино?

— Однажды в Петрограде, на проспекте Красных Зорь, на стене ничем не примечательного дома я увидел вывески: «Севзапкинофабрика». И так захотелось мне побывать на этой кинофабрике, что и сказать не могу. Видимо, желание сниматься было таким энергичным, что судьбе пришлось подчиниться. Пришел день, один из самых лучших и дорогих в моей жизни, когда мне позвонили со студии и пригласили в тот самый дом на проспекте Красных Зорь. В картине, еще немой, которая называлась «Родной брат», мне досталась роль крестьянского паренки, с трудом приспосабливающегося к городской жизни.

— Над чем работаете сейчас, Борис Петрович?

— Осенью в Московском театре имени Гоголя состоится премьера спектакля «Птички» по пьесе современного французского драматурга Ануя. В этом спектакле, рассказывающем о разложении буржуазной семьи, я играю одну из центральных ролей.

— Как вы относитесь к славе?

Чирков на миг замаялся.

— После роли Максима случилось со мной происшествие, которого до сей поры забыть не могу. Было это за границей, в Париже. Общество друзей Советского Союза организовало просмотр наших фильмов. В зале то и дело слышались аплодисменты, а к концу вечера вокруг нас собралась огромная толпа, и все стали просить автографы...

С ощущением этого успеха я проснулся на следующий день и пошел гулять. Вдруг на тихой парижской улочке кто-то громко и отчетливо прокричал: «Максим!» Меня прямо как жаром обдало. Да, вот это была слава! Я обернулся. На другой стороне улицы стоял человек, махал шляпой и выкрикивал: «Максим!.. Максим!..» Я направился к нему через дорогу, на ходу стаскивал перчатку, чтобы пожать руку новому поклоннику... Я был от него уже на расстоянии нескольких шагов, как вдруг подкатил автомобиль, и француз, приветствовавший меня, нырнул в машину и уехал. Я растерянно смотрел вслед автомобилю и механически читал слово «такси». «Такси... Такси...», — повторял я и вдруг понял: конечно, такси. Вспоминая этот случай, я долгое время краснел от стыда...

— Что вы хотите сказать о своей профессии? — спросил я Чиркова в конце нашего разговора.

— Некоторые молодые актеры не любят маленькие роли, избегают их, работают вполсилы. Я же считаю, что любое появление актера перед зрителем, хоть на секунду, — это создание произведения искусства и этому надо отдавать все способности, все умение и опыт. Строитель может подсчитать дома, созданные его руками, сталева — тонны выплавленного им металла, крестьянин — выращенный хлеб... А я — актер, я не могу сам измерить пользу своего труда. И только отклик в зрительном зале во время спектакля или фильма, письма, отзывы говорят о том, что я занимался в своей жизни настоящим делом.

Вел беседу
Вл. ГРИБАНОВ.

ПЕРВЫМИ СТАРЕЮТ ОБЛОМОВЫ

Но не было среди них ни одного, который бы, как Максим, пришелся зрителям так по душе, запомнился людям на долгие годы.

Но разговор наш начался не с этой роли и даже не с обсуждения проблем искусства. Как человек сравнительно молодой первым делом я заинтересовался:

— Борис Петрович, подскажите, как вам удается сохранять такой высокий творческий настрой, огромную работоспособность? Может, вы упражнениями какими занимаетесь или секрет какой-то знаете?

Чирков сначала улыбнулся, потом на миг задумался и сказал как нечто само собой разумеющееся:

— Путь в жизни бывает активный или пассивный. Обломовы стареют раньше других. В прошлом году я проболел несколько месяцев, и меня угнетала не болезнь, а отсутствие работы, невозможность действовать. Я привык к перегрузкам еще в юности, когда в Петрограде учился сразу в двух институтах — политехническом и театральном... Ну а сейчас моих должностей и обязанностей хватало бы на несколько человек... Перечислить?

Я кивнул.

— Театр... Телевидение... Встречи со зрителями... Это, так сказать, творческие хлопоты. Теперь дальше. Веду актерский курс во ВГИКе... Первый заместитель председателя Всесоюзного театрального общества, председатель совета по работе театров на селе, председатель Федерации по спортивному кино, член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Член редколлегии журнала «Советский экран»...

Я не успевал записывать.

— Учитите, это я не все называю, только основное, — вздохнул он.

— Я знаю, что вы написали еще и десяток книг о своей жизни, об искусстве, о людях, которых знали.

— Да, — подтвердил Борис Петрович, — и сейчас пишу еще одну. Это будет сборник новелл о песнях, которые вошли в мою жизнь. В основном о русских

то не получалось. А сейчас уже два года я и моя жена Людмила Юрьевна Геника ведем актерский курс.

Вообще театр я люблю буквально с детства. Родился я давно, когда нынешние дедушки и бабушки звались еще внуками и внучками, и была еще Российская Империя, а в империи — Вятская губерния, а в губернии — небольшой городок Нолинск. Помню, нолинский кружок любителей театра давал «Грозу» А. Островского и меня пригласили на спектакль суфлером.

Но по ходу действия я стал все сильнее и горячее вживаться в происходящее: голос мой окреп и уже был слышен не только на сцене, но и в зале. Зрители, затаив дыхание, выслушивали мои выкрики из суфлерской будки, дожидались, когда актер, как попугай, в точности повторит их, и тогда дружно начинали хохотать, пока я не начинал вопить следующую фразу.

Уже позже, после окончания ИСИ (Институт сценических искусств — так назывался в начале 20-х годов театральный институт в Петрограде), я работал в первом в мире театре для детей — Ленинградском ТЮЗе. Там мне довелось сыграть значительные роли классического репертуара — Санчо Панса в инсценировке «Дон-Кихота», где, между прочим, благородного идеального исполнял Николай Черкасов, сыгравший впоследствии, через 30 лет, эту роль в кино. Одной из любимых в те годы